

Колдовские *Миры*

ТЕРЕЗА ТУР

САМАЯ ДЛИННАЯ
НОЧЬ В ГОДУ

Москва

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т86

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саужова

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Тур, Тереза.

Т86 Самая длинная ночь в году / Тереза Тур. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с.

ISBN 978-5-699-98085-7

Они никогда не должны были встретиться. Великий князь, родственник самого императора — и бедная талантливая целительница, сирота. Но князя вынесет порталом прямо ей под ноги, истекающего кровью, умирающего. Он назовется чужим именем, она поверит в его искренность. А когда узнает правду, то просто исчезнет из его жизни, не желая быть очередной игрушкой. Но добрые духи, хранящие их мир, дадут Андрею и Ирине единственный шанс спасти свою любовь — самую длинную ночь в году.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98085-7

© Тур Т., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

*Газета «Вестник Поморья»
от 20 декабря 1900 года*

Обращение государя-императора
Александра Александровича Радомирова
к гражданам Поморья

«Дорогие мои сограждане! В этот светлый день, когда мы отмечаем очередную годовщину образования нашего славного государства, хочется вспомнить всех, кто стоял у истоков.

Вспомнить первого императора Радомирова, который смог объединить наши земли, раздираемые усобицей. Того, под чьей дланью возникла наша страна. На зависть врагам и на радость нам, благодарным потомкам, простирается она широко и вольно — от Северного моря до Южного, от Западного до Восточного.

Вспомнить солдат и офицеров, которые отстаивали и отстаивают нашу независимость. Целительниц, спасающих жизни. Ученых, благодаря которым мы могущественны и непобедимы. Купцов и владельцев заводов, что преумножают наши богатства. Крестьян и рабочих, что своим тяжелым трудом дают нам возможность развиваться и идти дальше!

Славься, страна, славься, Поморье!»

какая-то возможность уронить тело — сознание отключалось мгновенно. До того, как голова коснется подушки. Это было... В другой жизни. С другим человеком. Было — и прошло. А теперь у меня бессонница. Приехали...

Вдохнула, поднялась, хлопнула в ладоши, зажигая светильники в спальне, — решила, что буду читать. Наверное, зря я никуда не уехала на эти длинные выходные. Учительницы собрались в небольшое поместье в горах, расположенное всего в нескольких часах пути от нашего приморского городка. Поместье принадлежало родителям одной из них и носило замечательное название: «Анастасиевская поляна». Я любила там бывать, но сегодня отчего-то заупрямилась — осталась дома.

Наверное, у них сейчас ярко горит свет, веранда разукрашена ярко-алыми фонариками, в бокалах белое терпкое вино. И смех... Разговоры до утра. Я любила слушать разговоры коллег. Даже о проблемах, утратах и потерях можно рассказывать так, что остальные — да и ты сама — станут смеяться. До слез. А потом уже можно будет дышать. Снова.

Жаль, что я им ничего о себе не рассказывала. Мне хотелось, правда. Но я не могла. Когда-нибудь решусь, наверное... Посмеюсь над своей глупостью, наивностью... Над светлой любовью, которая составляла все мое существо, над выгрызающей тоской, поселившейся в сердце...

«Все правильно! Я ведь все сделала правильно... Да?!»

С тех пор, как я сбежала, прошел почти год. Почему же до сих пор так больно? Почему каж-

дую ночь снятся сны — чудесные, яркие, после которых не хочется просыпаться, открывать глаза и возвращаться в реальность — холодную, серую и бессмысленную. Без него...

«Но я ведь все сделала правильно! Он предал. Он... развлекался. Играл. А я полюбила...»

Полностью поменяв все — город, дом, — я отказалась от части себя тоже.

Больно...

До прошлого года я думала, что знаю о боли все. Я — целительница. Меня учили с пяти лет — как только почувствовала свой дар и прошла посвящение. Дар исцелять дается лишь женщинам.

Все десять лет я была лучшей на потоке. Затем лучшей практиканткой в Императорском военном госпитале. В самой столице! По традиции отличниц направляли работать с военными. Спать по шестнадцать часов в неделю много лет подряд было нормой моей жизни. Потом я год проработала полноправной целительницей в том же госпитале... Почти год.

А потом жизнь поменялась... Вернее, я поменяла ее. Сама.

Что со мной?! Слезы? Никогда не была размазней — призвание и характер не позволяли.

Девчонки с курса даже прозвище дали — «ледяная язва». Так они называли меня за глаза. Конечно, многие завидовали. За отличные оценки, за внимание ко мне преподавателей, за то, что выделяли и ставили в пример. Поэтому подруг моего возраста у меня никогда не было. Только учителя и коллеги постарше относились с симпатией — за то, что любила учиться. И лечить... Самозабвенно.

Когда-то.

*Ресторан на окраине Джанхота.
Эта же ночь. Он*

— И скажите, ваше высочество, что мы забыли в этой Небесами забытой дыре? Нет, южное побережье нашей благословенной Империи — это замечательно. Но никак не в декабре!

Черные, чуть раскосые глаза князя Алсапова насмешливо блестели. Они достались вельможе от его предка, который происходил из кочевого южного народа. Во времена первого императора Радомирова этот род бежал из своих краев и осел в Поморье.

— Как вы понимаете, светлейший князь, этот вопрос надо задать моему любезному дядюшке — он нас всех сюда вытащил.

И наследник Поморья кивнул в сторону мужчины лет сорока, который меланхолично перебирал струны гитары, усевшись чуть в стороне от веселой и слишком молодой — с его точки зрения — компании.

В отличие от остальных, пивших шумно и весело местное белое вино — весьма недурственное, надо отметить, этот предпочел коньяк — в большом количестве — и хоть какую-то иллюзию одиночества.

Молодые люди лучших родов Империи — князя Алсапов и Варейский, два графа: Волков и Соколов (а именно они составляли окружение наследника) — старались не подходить к двоюродному брату императора. Особенно когда он был в таком настроении. Хотя в подобной меланхолии, прорывавшейся бешеными вспышками беспричинной ярости, сиятельный князь Андрей

Николаевич Радомиров пребывал в течение последнего года. И никто не мог понять, что с ним случилось.

Приставленный к наследнику лично его величеством князь прекрасно знал, зачем они сюда забрались. Он решил устроить «золотой» молодежи учения.

Буря, как и предсказывали маги-погодники, усиливалась. Через пару часов повалит снег, к утру все занесет, и надо будет организовывать и спасательную операцию, и эвакуацию людей из дальних населенных пунктов. Вот пусть наследник и отрабатывает навык командования в чрезвычайной ситуации на примере данного района нашей необъятной страны. А с учетом того, что это предгорья, — повозиться молодежи придется. Заодно посмотрим, кто из ближайшего круга наследника чего стоит.

Отложив гитару, князь Радомиров допил коньяк и вышел во двор. Ему нестерпимо захотелось на воздух. В ночь. Туда, где под бешеными порывами ветра крупными хлопьями валил снег.

Сзади скрипнула дверь. Кому в тепле не сидится? Жаль. Хотелось побыть одному, рассказать снежным мухам о своей боли — пусть бы унесли с собой хоть немного... Может, легче стало бы.

— Самая длинная ночь в году... — раздался голос наследника.

— Да, ваше высочество, — нехотя откликнулся князь.

— Андрей Николаевич, вы сами на себя не похожи. Я могу чем-то помочь?

Двоюродный брат и доверенное лицо императора вздрогнул. Иной раз наследник вел себя...

мальчишка мальчишкой — как, собственно, и полагается в его девятнадцать лет. А иногда... Иногда он поражал каким-то непостижимым умением читать в душах других. Это князь Андрей подумал. А вслух насмешливо сказал:

— Помочь? Мне?

Наследник не обиделся. Действительно, практически вся мощь Империи была сосредоточена в руках двоюродного брата императора — второго человека в государстве по значимости и влиянию. Наследник прекрасно понимал, что сам он был лишь... где-то в первой десятке. Наверное.

Сын императора не испытывал неприязни к родственнику, которому его отец верил иной раз больше, чем самому себе. Более того, он искренне желал у него учиться.

Но в последний год юноша просто не узнавал своего дядю, которого любил и которым гордился. В сердце наследника поселилась тревога...

— Простите, Александр Александрович. Я невыносим в последнее время, — раздался голос князя Андрея.

— В ваших розысках... Результатов нет?

Наследник понял, что сказал, и стал ждать вполне заслуженной отповеди — дядюшка не терпел вмешательства в личную жизнь. И поэтому всем полагалось не знать ни о его романе, ни о том, что девушка сбежала, ни о том, что ее почему-то не могли отыскать.

— Узнать бы, что она жива, — услышал он тихий ответ.

На двоих стоящих в темноте упало молчание — такое же беспросветное, как эта южная ненастная ночь.

— Я не могу ее найти. Представляете? Я! Не могу... найти, — заговорил тот же голос, так не похожий на голос всемогущего вельможи.

«Так она хотя бы жива?» — готов был сорваться вопрос, но в последний момент Александр удержался.

— Я всего лишь не сказал, кто я такой. Я больше ни в чем не виноват... Случайная встреча людей, которые никогда не должны были встретиться. Небо, я никогда и ни с кем не был так счастлив!.. А она даже не дала мне возможности объясниться.

— Она узнала?

— О да. Она узнала. Увидела меня на параде в честь празднования вашего Тезоименитства.

— Прошлый январь. Мой день Ангела. Так вот почему вы удалились столь внезапно. Матушка еще очень удивлялась...

— Я все равно опоздал. Дома у нее никого не было. За вещами, документами и драгоценностями никто так и не зашел. Кулон связи, который я ей дарил, обнаружился в ближайшем к Дворцовой набережной мусорном бачке. А потом выяснилось, что она отправила два письма — одно в госпиталь, с заявлением об увольнении... — Андрей Николаевич замолчал, словно ему не хватило воздуха.

— А второе? — устав ждать ответа, спросил наследник.

— Второе... — в голосе мелькнула горькая насмешка. — Второе соответственно мне. Она нашла в справочнике официальный адрес моей резиденции, подписала конверт всеми моими титулами, положила туда подаренные мною накопитель энергии и охранный амулет... — родственник императора произвольно коснулся браслета. На

вид ничего особенного — несколько темно-синих камней вплетены в замысловатый узор шнура.

— Вы ей дарили свои фамильные артефакты? — изумился Александр.

— Именно.

— Странная история. Но почему она ушла и не дала вам возможности объясниться?

— Не знаю. Теперь я могу лишь гадать, сходится с ума и молить Небеса, чтобы они хранили ее.

Ярким светом распахнулась дверь, их окликнули.

Князь Андрей дернулся, словно очнулся.

— Ваше высочество, вы позволите мне вас покинуть? — уже своим нормальным, язвительным голосом заговорил он, окинув насмешливым взглядом высыпающих на крыльцо придворных.

— Конечно, ваше сиятельство, — наследник прекрасно понимал, что родственнику надо побыть одному.

Тот коротко кивнул и ушел. Всего пара шагов — и князь исчез в непогоде, словно никогда здесь не было ни его, ни этого странного откровенного разговора.

— А принесите-ка мне коньяку, — распорядился несвоевременно протрезвевший наследник, подумав, что после подобных разговоров действительно стоит напиться.

*Столица. Чуть больше года назад.
Сентябрь — ее любимый месяц. Она*

День прошел суматошно. Я уже заметила, что в нашем отделении травматологии практически каждая пятница — это что-то. Как будто люди спе-

циально ждали целую рабочую неделю, чтобы учудить что-нибудь к выходным.

Сегодняшняя пятница исключением не стала. Сразу после обеда повалил народ. Ожоги, порезы. Переломанные конечности. Порванные связки. И прочие «удовольствия».

И хотя я была после ночного дежурства, следовательно, могла уйти домой сразу после обеда, все-таки задержалась на посту. Сильно задержалась. Просто, заскочив в приемный покой, обнаружила там покалеченных детей. Будь то взрослые — я бы еще подумала. И, скорее всего, отправилась домой, — но дети...

Я ободряюще улыбнулась совсем потерянной мамочке с младенцем на руках.

— Сколько ему?

— Четыре месяца, — подняла на меня заплаканные глаза молоденькая женщина.

— Хорошо, сейчас найду свободный кабинет и приму вас. Постарайтесь взять себя в руки, а то в больницу придется укладывать вас.

— Я только отвернулась, — всхлипнула женщина. — А Темка упал...

— Тсс...

Я перехватила ее запястье и стала потихоньку сдерживать бешено стучащий пульс. Когда через несколько секунд удары сердца перестали сливаться один с другим, я поднялась, распорядилась дать мамочке успокоительную настойку, сделала несколько шагов, чтобы... И была практически сбита с ног!

По коридору, даже не обратив на меня внимания, носились кадеты Императорского военного училища — высшего учебного заведения,

куда набирались дети самых высокопоставленных семей.

— Кадеты! — прозвенел над нашим коридором мой возмущенный голос. — Внимание! Построение!

Да... Отцу бы понравилось. Алексею Михайловичу Иевлеву — боевому генералу, отдавшему жизнь за Империю. И пусть даже он знатностью рода похвастаться не мог, зато тем, что сам себе дорогу пробил, — вполне. А еще он отличался беззаветной храбростью. И тем, что служил Империи Поморья на совесть и смог блестяще организовать оборону Мирогграда — самого восточного города нашей страны. В Черную войну.

И я — его дочь — как общаться с солдатами и офицерами, вполне себе представляла. Пять лет в качестве практикантки в госпитале многому могут научить. И не только как лечить пострадавших мужчин. Но и как ими командовать. Так что с этими расшалившимися военными я справилась.

Не торопясь, подошла к вытянувшимся и замершим кадетам первого, судя по лычкам, курса. Дети еще...

— Вы где находитесь?! — «специальным» низким голосом рявкнула я. Хуже нет — кричать на высоком визге — получается жалко. — Почему в головных уборах? Кто старший?

— Простите, госпожа целительница, — форменные фуражки нырнули вниз, вытянутые физиономии стали вполне соответствовать моменту.

— Стыдитесь, господа, — холодно продолжила я. — Подобным поведением вы не только мешаете оказывать помощь пострадавшим, но и позорите свое учебное заведение и ваши фамилии.